

Редъярд Киплинг

Мальчик с кучи хвоста

Редьярд Киплинг
Мальчик с кучи хвоста

«Public Domain»

1895

Киплинг Р. Д.

Мальчик с кучи хвороста / Р. Д. Киплинг — «Public Domain»,
1895

«Трёхлетний ребёнок сидел на своей постельке и, сложив ручки, с глазами, полными ужаса, кричал изо всех сил. Сначала никто не слышал его, потому что детская была в западной части дома, а нянька разговаривала с садовником под лавровыми деревьями. Пришла экономка и бросилась утешать ребёнка. Он был её любимцем, и она не любила няньку...»

© Киплинг Р. Д., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

Редьярд Джозеф Киплинг

Мальчик с кучи хвороста

Трехлетний ребёнок сидел на своей постельке и, сложив ручки, с глазами, полными ужаса, кричал изо всех сил. Сначала никто не слышал его, потому что детская была в западной части дома, а нянька разговаривала с садовником под лавровыми деревьями. Пришла экономка и бросилась утешать ребёнка. Он был её любимцем, и она не любила няньку.

– Что такое? Что такое? Джорджи, милый, нечего пугаться!..

– Там – там был полисмен! Он был на лужайке – я видел его! Он вышел. Джэн говорила, что он придёт.

– Полисмены не входят в дом, милочка. Повернись и возьми мою руку.

– Я видел его – на лужайке. Он вошёл сюда. Где ваша рука, Харпер?

Экономка подождала, пока рыдания перешли в правильное дыхание спящего, и тихонько вышла из комнаты.

– Джэн, что за глупости рассказывали вы про полисменов мастеру Джорджи?

– Я ничего ему не говорила.

– Вы говорили... Он видел их во сне.

– Мы встретили сегодня утром Тигсдаля, когда катались. Может быть, это ему и приснилось.

– Не пугайте мальчика вашими глупыми рассказами до того, что с ним делаются припадки. Если это повторится ещё раз... – и т. д.

* * *

Шестилетний ребёнок, лёжа в постели, рассказывал себе сказки. Это был талант, который он только что открыл в себе и хранил в тайне. Месяц тому назад ему пришлось продолжить детский рассказ, не законченный матерью, и он был в восторге, что рассказ, вышедший из его головы, так же интересен для него, как если бы он слушал все с начала до конца. В этом рассказе был принц, и он убивал драконов. Но так было только в ту ночь, а после того Джорджи производил себя в принцы, паши, убивал великанов и т. д. (поэтому, как видите, он не мог никому рассказывать из страха, что над ним будут смеяться), и рассказы его постепенно перенесли в волшебную страну, где было так много приключений, что он не мог вспомнить и половины из них. Все они начинались одинаково, или, как объяснял Джорджи теням, бросаемым ночной лампой, всегда было «одно место, откуда все начиналось» – куча валежника, сложенная где-то вблизи берега. Вокруг этой кучи Джорджи видел себя бегающим наперегонки с маленькими мальчиками и девочками. Кончался бег, и корабли превращались в карточные домики с золочеными и зелёными решётками, окружавшими прекрасные сады; дома вдруг становились мягкими, и через них можно было проходить и опрокидывать их. Так поступал он, пока не вспомнил, что это только сон. Все продолжалось только несколько секунд, а потом принимало реальный вид, и, вместо того, чтобы опрокидывать дома, наполненные взрослыми (назло им), он с жалким видом сидел на высочайшем выступе у дверей и пытался придумать напев для таблицы умножения, до четырёхжды шесть включительно.

Героиня его сказок была удивительной красоты. Она появилась из старого иллюстрированного издания сказок Гримма (в настоящее время уже распроданного), так как она всегда восхищалась храбростью Джорджи, когда он имел дело с драконами и буйволами, то он дал ей два прекраснейших имени, когда-либо слышанных им, – Анни и Луиза, произносившихся «Аннилуиза». Когда сны брали верх над рассказами, она превращалась в одну из маленьких девочек, бежавших вокруг кучи валежника, сохраняя свой титул и корону. Она видела, как

один раз Джорджи тонул в волшебном море (это было на другой день после того, как нянька взяла его купаться в настоящем море), и он сказал: «Бедная Аннилуиза, теперь ей будет жаль меня». Но Аннилуиза, медленно идя по берегу, крикнула: «Ха! Ха! – смеясь, сказала утка», – что для бодрствующего ума, казалось бы, не имело никакого отношения к делу. Это сразу утешило Джорджи и должно было представлять собой нечто вроде заговора, потому что дно моря поднялось, и он вышел оттуда с двенадцатидюймовым цветочным горшком на каждой ноге. Так как в действительной жизни ему было строго запрещено возиться с цветочными горшками, то он чувствовал себя торжествующим грешником.

* * *

Решения взрослых, которые Джорджи презирал, но на понимание которых не претендовал, перенесли его мир, когда ему исполнилось семь лет, в место, называвшееся Оксфорд. Тут были громадные здания, окружённые обширными лугами, с улицами бесконечной длины и, главное, там был «the buttery».¹ Джорджи до смерти хотелось побывать там, потому что он думал, что это место жирное, а следовательно – восхитительное. Он убедился, насколько правильны были его предположения, когда нянька провела его под каменную арку к какому-то страшно толстому человеку, который спросил его, не хочет ли он хлеба с сыром. Джорджи привык есть все что угодно, поэтому он взял предложенное и выпил бы и какой-то тёмной жидкости, которую ему предлагали, но нянька увела его на вечернее представление пьесы под названием «Дух Пеппера». Представление было поразительное. У людей слетали головы и летали по всей сцене, скелеты танцевали, а сам мистер Пеппер, без сомнения, человек наихудшего сорта, размахивал руками, громко завывал и низким басом (Джорджи никогда не слышал поющего человека) рассказывал о своих невыразимых горестях. Сидевший позади взрослый пробовал объяснить ему, что это иллюзия, производимая зеркалами, и что бояться нечего. Джорджи не знал, что такое иллюзия, но знал, что зеркало – это стекло с ручкой из слоновой кости, в которое смотрятся, и лежит оно на туалетном столике его матери. Поэтому «взрослый» говорил просто так, по несносной привычке взрослых, и Джорджи стал отыскивать себе развлечение в промежутках между сценами. Рядом с ним сидела девочка вся в чёрном, с волосами, зачёсан-ными назад, совершенно как у девочки в книге под названием «Алиса в стране чудес», которую ему подарили в день его рождения. Девочка взглянула на Джорджи, а Джорджи на неё. По-видимому, дальнейшего представления друг другу не требовалось.

– Я порезал себе большой палец, – сказал он. Это было первое дело его первого настоящего ножа – большой треугольный порез, – и он считал это чрезвычайно ценным приобретением.

– Мне так жаль тебя, – шепелявя, проговорила она. – Дай мне посмотреть, пожалуйста.

– На нем пластыри, а внизу видно мясо, – ответил Джорджи, соглашаясь на её просьбу.

– Тебе не больно? – Её серые глаза были полны сострадания и интереса.

– Ужасно. Может быть, у меня даже будет припадок.

– На вид очень страшно! Мне так жаль!

Она дотронулась до его руки указательным пальцем и склонила голову набок, чтобы лучше видеть.

Тут нянька обернулась и дёрнула его со строгим видом.

– Не следует говорить с чужими девочками, мистер Джорджи.

– Она не чужая. Она очень милая. Она мне нравится, и я показал ей мой порез.

– Что за глупости! Поменяйтесь местами со мной.

¹ «The buttery» – студенческий буфет. «Butter» – масло, вот почему Джорджи и считает его масляным, жирным.

Она пересадила Джорджи так, что закрыла от него девочку, а взрослый позади него возобновил свои бесплодные объяснения.

– Я, право, не боюсь, – сказал мальчик, вертясь в отчаянии, – но отчего вы не спите после полудня, как Провостофориель?

Джорджи однажды представили взрослому, носившему это имя, который спал в его присутствии, несколько не стесняясь. Джорджи узнал тогда, что это самый важный из взрослых людей в Оксфорде;² поэтому-то он постарался теперь позолотить своё замечание лестью. Взрослому это, по-видимому, не понравилось, но он замолчал. И Джорджи откинулся на своём месте в безмолвном восторге. Мистер Пеппер снова цел, и его низкий, звучный голос, красный огонь и туманная, развевающаяся одежда, казалось, сливались с маленькой девочкой, которая так сочувственно отнеслась к его порезу. Когда представление окончилось, она кивнула Джорджи, и Джорджи кивнул в ответ ей. До тех пор как лечь в постель он говорил только самое необходимое, а сам все размышлял о новых оттенках цветов, звуках, свете, музыке и о разных вещах, сообразно своему пониманию; глубокий, полный отчаяния голос мистера Пеппера смешивался с шепелявым голосом девочки. В эту ночь он сочинил новый рассказ, из которого бесстыдно удалил принцессу из сказок Гримма, с чёрными волосами и золотой короной на голове, и поставил на её место другую Аннилуизу. Поэтому вполне естественно, что, когда он пришёл к куче валежника, он нашёл её ожидающей его, с волосами, зачёсанными назад, ещё более похожую на Алису из «Страны чудес», – и начались бега и приключения.

* * *

Десять лет, проводимых в английской общественной школе, не содействуют развитию мечтательности. Джорджи вырос, стал шире в плечах и приобрёл ещё некоторые особенности, благодаря системе игр в крикет, футбол и другим видам спорта, практиковавшимся дней четыре-пять в неделю. Он стал фагом³ третьего низшего класса, со смятым воротником и покрытой пылью шляпой. Пройдя затем через низшие ступени, он достиг полного расцвета, как старшина школы и капитан во всех играх. Он стал главой одного из домов, где помещались школьники. Тут он со своими лейтенантами поддерживал дисциплину и приличия среди семидесяти мальчиков от двенадцати до семнадцати лет. Он являлся обычно посредником в спорах, возникающих среди обидчивого шестого класса, и близким другом и союзником самого директора. Когда он выходил вперёд, в чёрной фуфайке, белых штанах и чёрных чулках, в числе первых пятнадцати, с новым мячом под мышкой, в старой потёртой фуражке на затылке, мелюзга низших классов, стоя в сторонке, благоговела перед ним, а новые капитаны команды нарочно разговаривали с ним, чтобы все видели это. Когда летом он возвращался в павильон после медленно, но вполне безукоризненно разыгранной игры, школьники неизменно приветствовали его громкими криками, хотя бы он ничего особенного не сделал, а даже и проиграл; женское общество, приходившее полюбоваться на игру, смотрело на Коттара: «Вот Коттар!» Дело в том, что он был ответствен за то, что называлось «духом школы», а мало кто представляет себе, с какой страстностью некоторые мальчишки отдаются этому делу. Родной дом казался далёкой страной, наполненной пони, рыбной ловлей, охотой и гостями, мешавшими планам жизни самостоятельного человека; но школа была его действительным, реальным миром, где происходили события жизненной важности и кризисы, которые нужно было улаживать быстро и спокойно. Не напрасно писано: «Консулы должны заботиться, чтобы республике не было нанесено вреда», и Джорджи бывал рад, когда возвращался с вакации и снова пользовался властью. За ним, но не слишком близко, стоял умный и сдержанный директор, советовавший

² **The provost** – городской голова.

³ **Fag** – прозвище, даваемое в английских школах младшим ученикам, исполняющим обязанности слуг у старших.

пускать в ход то мудрость змия, то кротость голубя, заставляя его, скорее полунамёками, чем словами, понимать, что мальчики и взрослые мужчины совершенно одно и то же и что тот, кто умеет справляться с одними, в своё время сумеет управлять и другими.

Чувствительность не поощрялась в школьниках; они должны были быть всегда бодрыми и смелыми и прямо поступать в армию, без помощи дорогих английских репетиторов, под кровлею которых юная кровь научается слишком многому. Коттар прошёл по пути многих, шедших перед ним. Директор посвятил полгода на его окончательную отделку, научил его ответам, которые должны наиболее понравиться экзаменаторам известного рода, и передал его установленным властям, которые отправили его в военную школу Сэндхерст. Тут у него хватило ума, чтобы понять, что он снова находится в низшем классе, и вести себя почтительно к старшим, пока они, в свою очередь, не стали относиться к нему с почтением; он был произведён в капралы и получил власть над людьми, соединявшими в себе пороки взрослых и детей. Наградой ему был новый ряд кубков за подвиги в атлетическом спорте, сабля за хорошее поведение и, наконец, патент её величества на субалтерн-офицера в первоклассном пехотном полку. Он не знал, что из школы и коллегии он вышел с репутацией достойного уважения юноши, и был доволен, что товарищи встретили его так ласково. У него было много собственных денег. На нем остался отпечаток воспитания в общественной школе, которое научило его многому, «чего не должен делать порядочный человек». Благодаря этому воспитанию он научился держать свои уши открытыми, а рот закрытым.

Правильный ход дел в империи перекинул его в новый мир, в Индию, где он вкусил полное одиночество в положении субалтерн-офицера, состоявшем из одной комнаты и чемодана из телячьей кожи, и вместе с товарищами начал новую жизнь. В стране были лошади – пони, которых можно было купить по сходной цене; было поло для тех, кто мог доставить себе это удовольствие; были пользовавшиеся дурной репутацией остатки охотничьих собак, и Коттар проводил свою жизнь без особого отчаяния. Ему стало ясно, что в полку, стоящем в Индии, есть больше шансов нести активную службу, чем он представлял это себе раньше, и что человеку можно заняться изучением своей профессии. Один майор новой школы с энтузиазмом поддержал эту мысль; он и Коттар собрали целую библиотеку книг по военным вопросам, читали, доказывали и спорили до поздней ночи. Но адъютант высказал старинное мнение:

– Познакомьтесь-ка со своими людьми, юноша, и они всюду пойдут за вами. Вот что нужно всем вам – хорошо знать своих людей.

Коттар считал, что он хорошо узнал их во время игры в крикет и всякого полкового спорта, но истинную натуру их он узнал только тогда, когда его послали с отрядом в двадцать человек засечь в грязный форт, недалеко от стремительного потока, загромаждённого целым рядом лодок. Когда вода в реке поднималась, они выходили и охотились за оторвавшимися понтонами вдоль берегов. Больше делать было нечего, и люди напивались, картежничали и ссорились. Кроме того, они оказались болезненными: ведь младшему офицеру обыкновенно даются худшие люди. Коттар терпел их буйство, пока хватало терпения, и, наконец, послал за дюжиной перчаток, употребляемых для бокса.

– Я не стал бы вас бранить за драку, – сказал он, – если бы вы умели пользоваться руками как следует. Возьмите вот эти вещи; я покажу вам, что надо делать.

Солдаты оценили его усилия. Вместо того чтобы богохульствовать, грозить убить товарища, они отзывали его в сторонку и утешались до полного истощения. Один солдат, которого Коттар застал с закрытым глазом и разбитым ртом, откуда он выплёвывал кровь, сказал ему:

– Мы пробовали проделать это с перчатками, сэр, в продолжение двадцати минут, и ничего хорошего не вышло, сэр. Тогда мы сняли перчатки, сэр, и попробовали ещё двадцать минут, так, как вы показывали нам, сэр, и вышло страшно хорошо. Это была не драка, сэр, а пари.

Коттар не смел рассмеяться, но он показал солдатам другие виды спорта; научил их бегать в рубашках и кальсонах по следу, отмеченному клочками бумаги, – отличная забава по вечерам. Местные жители, любившие спорт всякого вида, захотели узнать, смыслят ли белые люди что-нибудь в борьбе. Они послали борца, который брал солдат за шеи и бросал их в пыль, и вся команда увлеклась новой игрой. Они тратили на изучение игры деньги, которые могли бы истратить на покупку продуктов сомнительного качества; а толпы поселян, улыбаясь, окружали место турнира.

Отряд, отправившийся в повозках, вернулся в главную квартиру, сделав в среднем по тридцати деталей в день; не было ни больных, ни арестантов, ни одного под судом. Солдаты рассеялись среди друзей, воспевая своего лейтенанта, готовые при удобном случае обидеться за него.

– Как вы это сделали, юноша? – спросил адъютант.

– О, сначала согнал с них весь жир, а потом нарастил мускулы. Это было довольно весело.

– Ну, если вы так смотрите на дело, то мы можем доставить вам сколько угодно веселья. Молодой Дэвис считает себя не вполне пригодным, а на следующий раз его очередь идти с отрядом. Хотите идти вместо него?

– Если он не обидится. Видите ли, мне не хочется быть выскочкой.

– Не беспокойтесь насчёт Дэвиса. Мы дадим вам отбросы корпуса и посмотрим, что вы сделаете с ними.

– Ладно, – сказал Коттар. – Это приятнее, чем слоняться по стоянкам.

– Странное существо, – сказал адъютант, когда Коттар вернулся в свою пустыню с двадцатью дьяволами, худшими, чем первые. Если бы Коттар знал, что половина женщин в стране – черт побери их! – готова отдать глаза, чтобы победить его!

– Так вот почему миссис Элери говорила мне, что я заставляю слишком много работать моего нового милого мальчика, – заметил один из офицеров.

– О, да; «Почему он не приходит по вечерам?» и «Не может ли он быть четвёртым в теннис вместе с барышнями Гаммон?» – фыркнул адъютант. – Взгляните на молодого Дэвиса. Как он разыгрывает осла, ухаживая за женщиной, которая могла бы быть его матерью.

– Никто не может обвинить молодого Коттара в том, что он бегаёт за женщинами, какие бы они ни были – белые или чёрные, – задумчиво ответил майор. – Но он именно из тех, что в конце концов размякают хуже остальных.

– Коттар не из них. Мне раз случилось встретиться в Южной Африке с такого рода экземпляром – неким Инглесом. Он был такой же хорошо тренированный любитель всевозможных атлетических видов спорта. Всегда был в прекрасной форме. Но немного это принесло ему пользы. Убит при Вассельстроме. Интересно, как юноше удастся привести в порядок этот отряд.

Шесть недель спустя Коттар вернулся пешком со своими учениками. Он ничего не рассказывал, но солдаты восторженно говорили о нем, и отрывки из их рассказов долетали до слуха полковника через сержантов и других низших чинов.

Между первым и вторым отрядами царилась сильная зависть, но все солдаты обожали Коттара и доказывали это тем, что оберегали его от всяких неприятностей, которые умели причинять нелюбимым офицерам. Он не искал популярности так же, как не искал её и раньше в школе, и потому она сама пришла к нему. Он никого не выделял – даже известного в полку лентяя, который спас партию крикета в последнюю минуту. Обойти его было очень трудно, потому что он обладал каким-то инстинктом. Он знал, каким образом и когда накрыть притворщика. Но он знал также, что между блестящим и надутым учеником высшей школы и смущённым, нахмуренным, неуклюжим рядовым, только что поступившим на службу, весьма мало разницы. Благодаря его обращению, сержанты рассказывали ему тайны, обыкновенно скрываемые от молодых офицеров.

Его слова приводились как авторитет в казармах, лагерных шинках, за чаем; и самая отчаяннейшая ведьма в корпусе, горевшая желанием высказать обвинения против других женщин, завладевших вне очереди кухонными таганами, молчала, когда Коттар, как полагалось по правилам, спрашивал поутру, нет ли каких-нибудь жалоб.

– У меня масса жалоб, – говорила миссис Моррисон, – и я убила бы эту толстую корову, жену О'Халлорана, но вы знаете, как это у него бывает. Он только сунет голову в дверь, посмотрит из-под опущенных ресниц и шепнёт: «Есть жалобы?» После этого и не можешь жаловаться. Мне хочется поцеловать его. И я думаю, поцелую в один прекрасный день. Да, счастливая будет та женщина, которая получит «юную невинность». Взгляните-ка на него, девушки. Станете ли вы порицать меня?

Коттар ехал лёгким галопом по площадке для игры в поло. Действительно, он казался очень красивым представителем мужского пола, когда сидел на своём пони, давая волю первым взволнованным прыжкам его. Через низкую глиняную ограду он перескочил на площадку. Не одна миссис Моррисон чувствовала то, что она высказала. Но Коттар был занят одиннадцать часов в сутки. Он не желал портить теннис присутствием юбок; однажды, после долгого времени, проведённого на «garden-party», он объяснил своему майору, что все это «одна чепуха и вздор», и майор расхохотался. В полку не было женатых; только у полковника была жена, и Коттар испытывал страх перед этой леди. Она говорила «мой полк», а весь свет знает, что это значит. Но, когда офицеры пожелали, чтобы она раздавала призы за стрельбу, а она отказывалась, потому что один из взявших приз был женат на девушке, которая за её широкой спиной подшутила над ней, офицеры приказали Коттару пойти к ней в лучшем мундире и умастить её. Это он сделал просто и старательно, и она уступила.

– Она только желала узнать факты, – объяснял он. – Я рассказал ей, и она поняла сразу.

– Да-а, – сказал адъютант. – Думаю, что поняла. Пойдёте сегодня на бал к пехотинцам?

– Нет, благодарю. У меня сражение с майором.

Добродетельный ученик просидел до полуночи в квартире майора с часами в руках и с двумя компасами, передвигая маленькие, раскрашенные жестяные кусочки по карте в четыре дюйма.

Потом он вернулся домой и заснул сном невинности, полным здоровых сновидений. Одну особенность своих снов он заметил в начале второго засушливого сезона, проводимого им в этой стране. Они повторялись раза два-три в месяц или шли сериями. Он чувствовал, что переходит в царство сновидений все той же дорогой – дорогой, которая шла вдоль берега вблизи кучи валежника. Направо лежало море; иногда в нем бывал прилив, иногда отлив обнажал дно до самого горизонта. Этим путём он шёл по постепенно возвышающемуся холму, покрытому короткой, засохшей травой, в долины чудных сновидений. За хребтом, увенчанным чем-то вроде уличного фонаря, все было возможно; но до фонаря путь казался ему так же хорошо знакомым, как площадь для разводов. Он привык ждать встречи с этим местом; раз добравшись туда, он был уверен в хорошо проведённой ночи, а в жаркое время в Индии переносить ночь довольно трудно. Сначала за густыми зарослями появлялись смутные очертания кучи валежника, затем белый песок прибрежной дороги, почти нависшей над чёрным, задумчивым морем, потом поворот в глубь страны и вверх по холму. Когда почему-либо ему не спалось, он говорил себе, что, наверно, будет там – наверно, будем там, – если закроет глаза и отдастся ходу событий. Но однажды ночью, после безумно трудной игры в поло (в десять часов температура в его помещении была 94°), сон совершенно покинул его, хотя он делал все возможное, чтобы найти хорошо знакомую дорогу, место, с которого начинался настоящий сон. Наконец, он увидел кучу валежника и бросился вперёд, потому что чувствовал позади себя проснувшийся душный мир. Он благополучно добрался до фонаря, в полудремоте, как вдруг полисмен – простой деревенский полисмен – выскочил перед ним и дотронулся до его плеча прежде, чем он успел погрузиться в туманную долину внизу. Он был полон ужаса – без-

надёжного ужаса сновидений, – потому что полицейский сказал ужасным, отчётливым голосом, каким говорят люди в сновидениях: «Я – полисмен День, возвращающийся из города Сна. Пойдём со мной». Джорджи знал, что это правда, как раз в долине виднеются огоньки города Сна, где его могли бы укрыть; знал, что этот полисмен обладал полной властью и авторитетом, благодаря которым мог увести его обратно к жалкому бодрствованию. Он почувствовал, что смотрит на лунный свет на стене и что пот льёт с него ручьями от страха; и ему никогда не удавалось одолеть этого страха, хотя в течение этого жаркого времени года он часто встречал полисмена, и появление его было предвестником плохой ночи.

Но другие сны – совершенно нелепые – наполняли его душу невыразимым восторгом. Все, которые он помнил, начинались у кучи валежника. Например, он нашёл маленький пароход (он заметил его много ночей тому назад), лежавший у приморской дороги, и взошёл на него, после чего пароход двинулся с изумительной быстротой по совершенно гладкому морю. Это было чудесно, потому что, как он чувствовал, он выполнял важные дела; пароход остановился у лилии, высеченной из камня, которая вполне естественно плыла по воде. Увидев, что на лилии была надпись «Гонг-Конг», Джорджи сказал: «Конечно. Именно так, как я представлял себе Гонг-Конг. Как великолепно!» Через тысячу миль пароход остановился у другой каменной лилии с надписью «Ява»; и это снова привело его в восторг, потому что знал, что теперь он на краю света. Но маленькое судно плыло все дальше и дальше, пока не остановилось у шлюза пресной воды, стены которого были из резного мрамора, позеленевшего от мха. Широкие полосы лилий плавно качались на воде, а тростинки сплетались сверху. Кто-то двигался среди тростников – кто-то, увидеть которого Джорджи приехал, как он знал, на край света. Поэтому все было очень хорошо. Он был невыразимо счастлив и спустился с борта парохода, чтобы найти это существо. Когда ноги его коснулись тихой воды, она превратилась, с шорохом развёртывающихся географических карт, ни более ни менее, как в новую шестую часть света, местность, превосходящую всякое человеческое воображение, где острова окрашены в цвета жёлтый и голубой. Названия их, написанные крупными буквами, бросались в глаза. Они выходили на незнакомые моря, и Джорджи страстно желал быстро вернуться по этому плававшему атласу к знакомым местам. Он несколько раз повторял себе, что торопиться некуда; но все же торопился отчаянно, и острова ускользали из-под его ног, проливы разверзались и расширялись, пока он не потерялся в четвёртом измерении мира, без надежды когда-либо вернуться. Но неподалёку он мог видеть старый мир с реками и цепями гор, отмеченными на картах. Тут та, для которой он явился в «Ущелье Лилии» (так называлось это место), помчалась по неизвестным просторам, указывая ему путь. Они бежали рука об руку, пока не добежали до дороги, которая соединяла рвы, шла по краю пропасти и проходила туннелями в горах. «Она идёт к нашей куче валежника», – сказала его спутница; и все его волнения окончились. Он взял пони, потому что понял, что это «тридцатимильная прогулка», и он должен ехать быстро; и он помчался через шумные туннели, огибая извилины, все ниже по холму, пока не услышал шум моря слева и не увидел, как оно яростно билось при свете месяца о песчаные утёсы. Путь был трудный, но он узнал природу этой страны, темно-пурпуровые равнины её, траву, шелестевшую на ветру. Дорога местами была размыта, и море ударяло в неё чёрными, лишёнными пены языками гладких, блестящих валов; но он был уверен, что море представляет для него меньше опасности, чем «они» – кто бы ни были эти «они» – те, что находятся внутри страны, направо от него. Он знал также, что будет в безопасности, если доберётся до равнины со стоящим на ней фонарём. Все случилось, как он ожидал: он увидел свет на расстоянии мили впереди на берегу, сошёл с лошади, повернул направо, спокойно подошёл к куче валежника, нашёл, что маленький пароход вернулся к берегу, от которого он отчалил, и – должно быть, уснул, потому что ничего больше не помнил.

– Я узнаю это место, – сказал он себе во время бритья на следующее утро. – Я, вероятно, проделал нечто вроде круга. Посмотрим. «Тридцатимильная прогулка» (как, черт возьми, я

узнал это название?) соединяется с приморской дорогой за первым песчаным холмом, где стоит фонарь. А вся эта страна из атласа лежит позади «тридцатимильной прогулки», где-то направо, за холмами и туннелями. Странная это вещь, сны. Удивительно, что мои всегда так связаны между собой.

Он продолжал так же усердно исполнять обязанности, связанные с переменами времён года. Полк перевели на другую стоянку, и он с наслаждением провёл в походе два месяца, много охотясь в свободное время; а когда дошли до места новой стоянки, стал членом местного клуба и начал охотиться с короткими копьями на могучих кабанов. Это было так же ново и увлекательно, как охота на крупную дичь, выпавшая на его долю. Он сделал фотографию для матери, на которой был изображён сидящим рядом с первым убитым им тигром.

Адъютанту дали новое назначение; и Коттар радовался за него, потому что он восхищался адъютантом и не мог представить себе, кто мог бы быть настолько значительным, чтобы занять его место; поэтому он чуть было не упал в обморок, когда эта мантия опустилась на его собственные плечи, и полковник сказал ему несколько любезных слов, заставивших его покраснеть. Положение адъютанта, в сущности, не отличается от положения главы школы, и Коттар оказался в тех же отношениях с полковником, в каких он был в недалёком прошлом со своим начальником в Старой Англии. Но характеры портятся в жаркое время года, и то, что говорилось и делалось, сильно огорчало его, и он делал крупные ошибки, исправить которые помогал сержант-майор, человек с верной душой и замкнутыми устами. Лентяи и люди некомпетентные выходили из себя; слабоумные старались увлечь его с пути справедливости; люди ограниченные – даже те, про которых Коттар думал, что они никогда не сделают того, чего не должен сделать ни один порядочный человек, – приписывали низкие и вероломные мотивы действиям, о которых он не раздумывал ни одной минуты; он испытал несправедливость, и это было очень тяжело для него. Но утешение наступало для него на параде, когда он видел отряды в полном составе и думал о том, как мало людей в больнице, или в карцерах, или о том, как скоро наступит время испытания для его деятельности, полной труда и любви. Но от него требовали и ждали непрерывной работы в течение целого трудового дня и трех-четырех часов ночи. Любопытно, что он никогда не видел во сне полка, хотя все предполагали это. Его ум, освобождённый от дневной работы, обыкновенно совершенно переставал работать, а если и действовал, то уносил его вдоль старинной приморской дороги к песчаным холмам, фонарному столбу, а иногда к ужасному полисмену Дню. Когда во второй раз он попал на потерянный для мира континент (этот сон повторялся постоянно, с разными вариациями, все на том же месте), он знал, что если только будет сидеть смирно, то существо, которое являлось ему из «Ущелья Лилии», поможет ему: и ему не пришлось разочароваться. Иногда он попадал в огромные ямы, вырытые в сердце мира, где люди распевали песни, разносимые эхом; и он слышал, как «оно» шло по галереям, и все вокруг становилось безопасным и восхитительным. Они снова встречались в купе индийских вагонов с низкими крышами, которые останавливались в саду, окружённом золочёными и зелёными решётками, где толпа каменных белых людей, враждебно настроенных, сидела за обеденными столами, покрытыми розами, и разделяла Джорджи и его спутника, а под землёй пели песни низкими басами. Джорджи бывал в глубоком отчаянии до тех пор, пока они снова не встречались среди бесконечной жаркой тропической ночи и пробирались в громадный дом, который, он знал, стоял где-то на севере от железнодорожной станции, на которой люди ели среди роз. Дом был окружён садами. На листьях деревьев дрожали капли дождя; а в одной комнате, до которой нужно было пройти целые мили коридоров с белыми стенами, кто-то больной лежал в кровати. Джорджи знал, что от малейшего шума произойдёт нечто ужасное, и его спутник знал это; но когда глаза их встретились, Джорджи с разочарованием увидел, что его спутник – ребёнок, маленькая девочка в башмачках, с чёрными, зачёсанными назад волосами.

«Что за постыдное безумие! – подумал он. – Она ничего не сможет сделать, если появится „это существо“».

«Это существо» закашляло, и с потолка упала штукатурка на сетку от москитов, а «они» бросились со всех сторон. Джорджи вытащил ребёнка из удушливого сада; голоса пели позади них; и они пронеслись по «тридцатимильной прогулке», пустив в ход хлыст и шпоры, вдоль песчаного берега шумевшего моря, пока не достигли песчаных холмов, фонарного столба и кучи валежника, что означало безопасность. Очень часто сновидения прекращались на том, что они разлучались, чтобы переживать ужасные приключения поодиночке. Но самое забавное бывало, когда он и она встречались, ясно понимая, что все это происходит не наяву, и переходили бушующие реки, шириною в милю, даже не снимая сапог, или поджигали населённые города, чтобы посмотреть, как они будут гореть, и были грубы, как дети, со всеми неясными тенями, встречавшимися во время их бродяжничества. Позднее ночью они расплачивались за это, страдая или от железнодорожных людей, евших среди роз, или в тропических возвышенностях в дальнем конце «тридцатимильной прогулки». Это не очень пугало их, когда они бывали вместе, но часто Джорджи слышал её пронзительное восклицание: «Мальчик, мальчик!» – издали, точно из другого мира, и бросался на помощь ей прежде, чем «они» успевали обидеть её.

Он и она исследовали темно-пурпуровые холмы настолько далеко от кучи валежника, насколько осмеливались, но это бывало всегда опасным предприятием. Центральная часть страны была полна «ими», и «они» ходили, распевая, по пещерам, и Джорджи и она чувствовали себя безопаснее на морском берегу или вблизи него. Он так хорошо изучил местность своих снов, что даже наяву принимал её за действительно существующую страну и сделал грубый набросок её. Конечно, он никому не говорил об этом; но неизменяемый вид страны в его сновидениях смущал его. Обыкновенные его сны были бесформенны и проходящи, как все здоровые сны, но раз действие происходило у кучи валежника, он двигался в знакомых пределах и мог видеть, куда идёт. Случалось, что несколько месяцев подряд ничего замечательного не бывало в его снах. Потом сразу шло пять-шесть снов, и на следующее утро на карте, которую он держал в своём бюро, записывалось число, потому что Джорджи был человек чрезвычайно аккуратный. Среди старших говорили, что ему угрожает опасность превратиться в настоящую «тётушку-хлопотунью», а когда у офицера есть склонность стать старой девой, то даже для семидесятилетней девы есть большие надежды на исправление, чем для него.

Но судьба послала необходимую перемену в виде маленькой зимней кампании на границе, которая, по свойству всех маленьких кампаний, переросла в очень некрасивую войну. Полк Коттара был избран одним из первых.

– Ну, – сказал майор, – это стряхнёт паутину со всех нас, в особенности с вас, Галаад, и мы увидим, что вышло из полка после того, как вы сидели над ним, словно наседка над цыплятами.

Коттар чуть не плакал от радости, когда началась кампания. Его люди оказались готовыми – физически готовыми лучше других; в лагере, промокшие или сухие, накормленные или ненакормленные, они были добрыми ребятами; и они шли за своими офицерами с ловкостью и тренированным послушанием лучших игроков в футбол. Они по необходимости отступили от первоначальной базы и искусно и легко вернули её; они подымались на вершины холмов и освобождали их от врагов, которых преследовали, как охотничьи собаки, а в час отступления, когда их, обременённых больными и ранеными, враги преследовали на протяжении одиннадцати миль безводной долины, они, служа арьергардом, покрыли себя славой в глазах собратьев-профессионалов. Каждый полк может наступать, но мало кто умеет отступать, «имея жало в хвосте». Потом они вернулись, провели дороги, большей частью под огнём, и срыли некоторые неудобные глиняные редуты. Их корпус был отозван последним, когда весь хлам кампании

был сметён; и после месяца стоянки лагерем, сильно действующей на нравственное состояние, они отошли на своё прежнее место с песнями.

Вышла «Газета», из которой Коттар узнал, что он держал себя «с мужеством, хладнокровием и умением» во всех отношениях; что он помогал раненым под огнём и взорвал ворота также под огнём.

В результате – сначала чин капитана, а затем патент на чин майора.

Что касается раненых, то он объяснил, что оба были очень тяжёлые люди, которых ему было поднять легче, чем кому бы то ни было другому. «Иначе я, конечно, послал бы кого-нибудь из моих ребят; а насчёт ворот, конечно, мы были в безопасности, как только очутились под стенами». Но это не помешало его солдатам приветствовать его восторженными криками всякий раз, как они видели его, а офицерам дать в его честь обед накануне его отъезда в Англию. (Годовой отпуск был одним из преимуществ, доставленных ему кампанией, по его словам.) Доктор, выпивший достаточно, прочёл поэтическое произведение о «добром клинке и о блестящем шлеме» и т. д., и все говорили Коттару, что он превосходный человек; но когда он встал, чтобы произнести свою первую речь, все кричали так, что, как говорят, он сказал:

– Не стоит говорить, когда вы так портите меня. Сыграем-ка лучше пулюку.

* * *

Довольно приятно провести четыре недели на пароходе, легко идущем по тёплым водам, в обществе женщины, которая даёт вам понять, что вы на голову выше целого света, хотя бы эта женщина, как часто бывает, была годков на десять старше вас. Пароходы Тихого океана освещены не с такой отвратительной размеренностью, как пароходы атлантические. На носу у них больше света, а у колёса – тишины и полумрака.

Страшные вещи могли бы случиться с Джорджи, если бы не тот небольшой факт, что он никогда не изучал основных правил той игры, в которой ожидали его участия. Поэтому, когда миссис Зулейка в Адене сказала ему, какой материнский интерес она принимает в его судьбе, медалях, патенте и во всем вообще, Джорджи принял её слова буквально и поспешно заговорил о своей матери, приближавшейся к нему ежедневно на триста миль, о своём родном доме и так далее и разговаривал всю дорогу до Красного моря. Оказалось, что разговаривать с женщиной в продолжение часа гораздо легче, чем он предполагал. Потом миссис Зулейка, покинув родительскую привязанность, заговорила о любви абстрактно, как о предмете, против изучения которого ничего нельзя сказать, и в послеобеденные сумеречные часы требовала, чтобы он поверил ей свои тайны. Джорджи с восторгом сообщил бы их, но у него никаких тайн не было, и он не знал, что обязан был сфабриковать признания. Миссис Зулейка выразила удивление и недоверие и предложила самые заковыристые вопросы. Она узнала все, что было необходимо, чтобы убедиться в истине, и так как была вполне женщиной, то снова приняла (Джорджи так и не узнал, что она оставляла его) свой материнский тон.

– Знаете, – сказала она где-то на Средиземном море, – я думаю, вы самый милый мальчик, какого мне доводилось встречать в жизни, и мне хотелось бы, чтобы вы немного помнили меня. Вы вспомните, когда станете старше, но мне хочется, чтобы вы помнили и теперь. Вы сделаете какую-нибудь девушку очень счастливой.

– О, надеюсь, – серьёзно сказал Джорджи, – но до женитьбы и всего такого ещё много времени, не правда ли?

Ему очень нравилась миссис Зулейка. Конечно, она была немного стара, но необычайно мила. Она не была склонна ни к каким глупостям.

Через несколько ночей после того, как проехали Гибралтар, старый сон вернулся к нему. Та, которая ожидала его у кучи валежника, была уже не маленькая девочка, но женщина с чёрными волосами, зачёсанными назад. Он узнал в ней девочку в чёрном, спутницу последних

шести лет, и, как это было во время встреч на Потерянном Континенте, душа его наполнилась невыразимым восторгом. «Они», по какой-то причине, известной только в стране сновидений, были расположены дружески или удалились куда-то в эту ночь, и Джорджи со своей спутницей обошли всю свою страну от кучи валежника до «тридцатимильной прогулки», пока не увидели дом «больного существа», у сосновой рощи вдаль, налево; они прошли по пассажирскому залу, где на накрытых столах лежали розы; и вернулись через залив и через город, который они некогда сожгли ради спортивного интереса, к большим покатосям холмов под фонарным столбом. Куда бы они ни шли, из-под земли несло громкое пение, но в эту ночь не было панического ужаса. Вся страна была пустынна. Наконец (они сидели у фонарного столба, рука об руку) она обернулась и поцеловала его. Он проснулся, вздрогнув, и пристально взглянул на развевающуюся занавеску двери каюты; он готов был поклясться, что поцелуй был реальным.

На следующее утро пароход попал в качку в Бискайском море, и пассажиры страдали; но когда Джорджи пришёл к завтраку выбритый, вымытый и пахнувший мылом, многие взглянули на него: так блестели его глаза и так бодр был его вид.

– Ну, у вас чертовски хороший вид, – отрывисто сказал один из его соседей. – Уж не получили ли вы наследства здесь, посреди моря?

Джорджи потянулся за соей с ангельской улыбкой.

– Я думаю, это потому, что приближаешься к дому, и все такое. Я чувствую себя несколько празднично настроенным сегодня. Качает немного, не правда ли?

Миссис Зулейка оставалась в своей каюте до конца путешествия и ушла, не простясь с ним. На палубе она страстно плакала от радости, что встретила со своими детьми, так похожими, как часто говорила она, на их отца.

Джорджи направился в своё графство, в диком восторге от первого отпуска после долгих лет. Ничто не переменилось в спокойной жизни его родного дома, начиная с кучера, который встретил его на станции, до белого павлина, яростно кричавшего на экипаж с каменной стены, окружавшей подстриженные лужайки. Дом встретил его согласно обычным правилам – сначала мать, потом отец; потом экономка, которая плакала и возносила хвалы Богу; потом дворецкий, и так дальше до сторожа, который во время юности Джорджи смотрел за собаками и называл его и теперь «мастер Джорджи», за что и получил выговор от грума, который учил Джорджи верховой езде.

– Ничто не изменилось, – с довольным вздохом сказал он, когда они втроем сели обедать при лучах позднего солнца; кролики выползли из-под кедра на лужайку, а большие форели в прудах высунулись из воды, ожидая своего ужина.

– Наши перемены уже дело прошлое, милый, – нежно сказала мать, – а теперь, когда я привыкла к твоему росту и загару (ты очень смугл, Джорджи), я вижу, что ты несколько не изменился. Ты очень похож на своего «патера».

Отец радостно улыбался, глядя на сына – человека вполне по его вкусу. Самый молодой майор в армии и должен был бы получить орден Виктории. Дворецкий слушал, забыв о своей профессиональной маске, как мастер Джорджи рассказывал о современной войне и как отец расспрашивал его.

Они вышли на террасу покурить среди роз, и тень старого дома легла на удивительную английскую листву – единственную живую зелень в мире.

– Чудесно! Клянусь Юпитером, чудесно! – Джорджи смотрел на лес за оградой дома, где были расставлены вольеры для фазанов; золотой воздух был полон сотнями священных запахов и звуков. Джорджи почувствовал, как рука отца крепче сжала его руку.

– Ведь не так дурно, а? Я предполагаю, что в один прекрасный день ты явишься под руку с какой-нибудь молодой девушкой; а, может быть, у тебя уже есть такая, а?

– Можете успокоиться, сэр. У меня никого нет.

– За все эти годы? – спросила мать.

– Не было времени, мамочка. В настоящее время на службе много дел и большинство из моих товарищей по полку люди холостые.

– Но ведь в обществе ты должен был встречать сотни молодых девушек, на балах и т. п.?

– Я настоящий армейский офицер. Я не танцую.

– Не танцуешь? Что же ты тогда делал? Устраивал сердечные дела друзей? – спросил отец.

– О, да, немножко занимался и этим, но, видите, по теперешнему времени военному надо много работать, чтобы держаться на высоте своей профессии, и дни мои были слишком наполнены, чтобы забавляться половину ночи.

– Гм!.. Подозрительно!..

– Никогда не поздно научиться. Нам нужно будет собрать знакомых по случаю твоего возвращения. Может быть, впрочем, ты хочешь поехать прямо в город, милый?

– Нет. Мне ничего не надо. Будем наслаждаться покоем. Я думаю, найдётся, если поискать, что-нибудь для верховой езды?

– Судя по тому, что меня в продолжение шести недель держали на паре старых гнедых, потому что все остальные готовились для мастера Джорджи, вероятно, что-нибудь найдётся, – со смехом сказал отец. – Мне напоминают сотнями способов, что я должен занять теперь второе место.

– Ах, скоты!..

– Отец говорит это только так, милый; но все старались, чтобы возвращение домой было приятно тебе, и, мне кажется, это удалось, не правда ли?

– Вполне! Вполне! Нет места лучше Англии, когда исполнил свой долг.

– Так и следует смотреть на это, сын мой.

Они гуляли по дорожке, пока тени их не удлинились при свете луны; мать вошла в дом и стала играть те песни, которые требовал некогда маленький мальчик; принесли низенькие, толстые серебряные подсвечники, и Джорджи поднялся в две комнаты в западном конце дома; одна из них была в былое время его спальней, а в другой он играл. И кто же пришёл укладывать его на ночь, как не мать? И она села к нему на кровать, и они говорили целый час, как следовало матери и сыну, о будущем нашей империи. Со скрытым лукавством простой женщины она предлагала вопросы и подсказывала ответы, долженствовавшие вызвать какое-либо изменение в лице, лежавшем на подушке, но не было ни дрожания век, ни учащённого дыхания, ни уклонения, ни заминки в ответах. Поэтому она благословила его и поцеловала в уста, которые не всегда бывают собственностью матери; впоследствии она сказала мужу что-то, заставившее его рассмеяться нечестивым и недоверчивым смехом.

На следующее утро вся конюшня была к услугам Джорджи, начиная с самой высокой шестилетки «со ртом словно лайковая перчатка, мастер Джорджи», до лошади, которую беспечно прохаживал младший конюх с любимым хлыстом Джорджи в руках.

– Вот так лошадь! Взгляните-ка, сэр. Таких нет у вас в Индии, маст-майор Джорджи.

Все было так прекрасно, что и высказать нельзя, хотя мать настояла на том, чтобы возить его в ландо (оно пахло кожей, как в жаркие летние дни его юности) и показывать своим друзьям во всех домах на шесть миль вокруг; а отец увёз его в город и свёл в клуб, где небрежно представил его не менее чем тридцати старым воинам, сыновья которых не были самыми молодыми майорами в армии и не представлены к отличию. После этого наступила очередь Джорджи; и, вспомнив своих друзей, он наполнил дом офицерами того сорта, что живут в дешёвых помещениях в Соутси или Монпелье на севере, в Бромптоне – хорошими людьми, но незажиточными. Мать заметила, что им нужны молодые девушки, с которыми они могли бы играть в теннис; а так как недостатка в них не было, то дом жужжал, словно голубятня весной. Они перевернули все вверх дном, приготовляясь к спектаклю; они исчезали в садах, когда должны были являться на репетицию; они пользовались всякой пригодной лошадей, всяким годным экипажем, они падали в пруд с форелями. Гости устраивали пикники, играли в теннис; они

сидели парочками за калитками в сумерки: и Джорджи увидел, что они вовсе не нуждаются в том, чтобы он занимал их.

– Ну, – сказал он, когда в последний раз увидел их. – Они сказали, что очень веселились, но не сделали и половины того, что собирались сделать.

– Я знаю, что они веселились страшно, – сказала мать. – Ты – душа общества, милый.

– Теперь мы можем зажить спокойно, не правда ли?

– О, да, совершенно спокойно. У меня есть большой друг, с которым я хочу познакомить тебя. Она не могла приехать, когда у нас было так много народа, потому что она слаба здоровьем и её не было здесь, когда ты только что приехал. Это – миссис Ласи.

– Ласи! Я не помню этой фамилии.

– Они приехали после твоего отъезда в Индию из Оксфорда. Её муж умер там, и она, кажется, лишилась состояния. Они купили «Сосны» на Гассетской дороге. Она очень милая женщина, и мы очень любим их.

– Ведь она вдова, говорили вы?

– У неё есть дочь. Разве я не сказала, милый?

– Что же, и она падает в пруды с форелями, и хихикает, и «О, майор Коттар!» – и все тому подобное?

– Нет, право. Она очень спокойная молодая девушка и очень музыкальная. Она всегда приезжала сюда с нотами. Знаешь, она композиторша: и обыкновенно занимается целый день, так, что ты...

– Говорите о Мириам? – сказал, подходя, отец.

Мать подвинулась к нему настолько, что могла коснуться его локтем. В отце Джорджи не было хитрости.

– О, Мириам милая девушка. Играет прекрасно. Ездит верхом тоже прекрасно. Она общая любимица в доме. Называла меня...

Локоть попал куда следовало, и отец, ничего не понимавший, но всегда послушный, закрыл рот.

– Как она вас называла, сэр?

– Всякими ласковыми именами. Я очень люблю Мириам.

– Звучит по-еврейски – Мириам.

– Еврейка!.. Скоро ты себя самого станешь называть евреем. Она из херфордшайрских Ласи. Когда умрёт её тётка...

Снова локоть.

– О, ты совсем не будешь видеть её, Джорджи. Она целый день занимается музыкой, всегда бывает с матерью. Кроме того, ты ведь завтра едешь в город. Ведь ты говорил мне о каком-то митинге, не правда ли? – сказала мать.

– Ехать в город теперь? Что за чепуха!

Отца снова заставили умолкнуть.

– Я думал было, но не знаю наверное, – сказал сын.

Почему мать старается удалить его из дома, когда должна приехать музыкальная молодая девушка и её больная мать? Он не одобрял того, что какие-то неизвестные особы женского пола называют его отца ласковыми именами. Он хотел повидать этих дерзких особ, которые только семь лет тому назад поселились здесь.

Все это восхищённая мать прочла на его лице, продолжая сохранять вид милой незаинтересованности.

– Они приедут сегодня вечером, к обеду. Я посылаю за ними экипаж, и они останутся не более недели.

– Может быть, я и поеду в город. Я ещё не знаю. – Джорджи нерешительно отошёл в сторону. В военной академии была назначена лекция «О способе доставления амуниции на

поле сражения», и читать должен был единственный человек, теории которого более всего раздражали майора Коттара. Должны были последовать горячие прения, и, может быть, ему пришлось бы говорить. После полудня он взял удочку и пошёл закинуть её в пруд с форелями.

– Успешной ловли! – сказала ему с террасы мать.

– Боюсь, что этого не будет, мамочка. Все эти горожане, в особенности барышни, напугали форелей так, что они на целые недели перестали есть. Никто из них не любит по-настоящему рыбной ловли. Представить себе только весь этот шум и крик на берегу; они рассказывают рыбам на полмили, что именно собираются делать, а потом бросают скверную приманку. Клянусь Юпитером, и я бы испугался, будь я форелью.

Но дело вышло не так плохо, как он ожидал. Над водой толклись чёрные мошки; поверхность воды была вполне спокойна. Форель в три четверти фунта, которую он поймал со второго раза, подзадорила его, и он принялся серьёзно за дело, прячась за камыши и кусты, пробираясь между изгородью из таволги полосой берега шириной в один фут, где он мог видеть форелей, а они не могли отличить его от общего фона; ложась на живот, чтобы забросить удочку в то место, где сверкали серо-голубоватые спинки рыб. Каждый дюйм водного пространства был известен ему с тех пор, как он был ростом в четыре фута. Старые и хитрые рыбы между затонувшими корнями, а также и большие, толстые, лежавшие в пенистой накипи сильного течения, в свою очередь, попадали в беду от руки, которая так искусно подражала дрожанию и ряби, производимой насекомыми, движущимися в воде. Вследствие всего этого Джорджи очутился в пяти милях от дома в то время, когда ему следовало бы одеваться к обеду. Экономка позаботилась, чтобы её мальчик не ушёл с пустым желудком, и, прежде чем превратиться в белую ночную бабочку, он сел за превосходный кларет с сэндвичами с яйцами и разными вещами, которые готовят обожающие женщины и которых никогда не замечают мужчины. Он пошёл назад, спугнув кроликов на опушке букового леса, фуражировавших в клевере, и похожего на полисмена белого филина, снисходившего до маленьких полевых мышей. Наконец, месяц поднялся высоко, и он, взяв удочку, пробрался домой через хорошо памятные щели в изгородях. Он обошёл весь дом кругом, потому что хотя, может быть, он и нарушал каждый час все законы домашнего обихода, но один закон, царствовавший во время его юности, остался нерушимым: после рыбной ловли нужно было возвращаться домой через калитку в южной части сада, почиститься в комнатке около кухни и явиться перед старшими только после того, как вымоешься и переоденешься.

– Половина одиннадцатого, клянусь Юпитером! Ну, скажу, что увлёкся спортом. Во всяком случае, не пожелают же они непременно видеть меня в первый же вечер. Вероятно, ушли спать.

Он прошёл мимо открытых французских окон гостиной.

– Нет, не ушли. По-видимому, все устроились тут очень комфортабельно.

Он увидел своего отца сидящим в своём обычном кресле; мать также сидела на своём месте; у рояля, спиной к окну, сидела незнакомая ему молодая девушка. Сад при лунном свете имел почти божественный вид, и Джорджи повернулся и пошёл между розами, чтобы докурить трубку.

Окончилась прелюдия, и раздался голос, из тех, что в детстве он называл «сливочными» – настоящее, глубокое контральто, и вот что он услышал:

Там, за пурпуровым краем, внизу,
Где светит огонь одинокий,
Ты знаешь ли путь в ту страну
Чрез Озеро Грёз, путь далёкий?
В Стране Благодатной забудет
Страданья несчастный больной.

Но мы, – горе нам! – нас разбудят,
Мы край тот покинем родной:
Полисмен наш День нас прогонит
Далеко от Города Снов.

Там, за пурпуровым краем, внизу,
Когда ещё грёзы неясны,
Взгляни, о взгляни в ту Страну,
Не впустят туда нас, несчастный!
Изгнанников, стража вернёт
Нас в Явь из Страны Благодатной.
О, горе нам, горе! Придёт
За нами страж – День безотрадный,
Прогонит из Города Снов.

Когда эхо прозвучало в последний раз, он почувствовал, что во рту у него пересохло и что пульс его бьётся непривычно сильно. Экономка, вообразившая, что он упал в пруд и простудился, ожидала его на лестнице, и, так как он не видел её и ничего не ответил ей, она пустила в ход рассказ, который заставил его мать прийти и постучаться в дверь его комнаты.

– Что-нибудь случилось, милый? Гарпер сказала, что ей показалось, будто ты не...

– Нет, ничего. Я совсем здоров, мамочка. Пожалуйста, не приставайте.

Он сам не узнал своего голоса, но это был пустяк в сравнении с тем, что он обдумывал. Очевидно, вполне очевидно, это совпадение было полным безумием. Он доказал это к удовольствию майора Джорджа Коттара, который должен был отправиться на следующий день в город, чтобы послушать лекцию «О способах доставления амуниции во время похода», а когда доказал, то душа и ум, сердце и плоть Джорджи радостно воскликнули: это девушка из «Ущелья Лилии», девушка утреннего континента, девушка «тридцатимильной прогулки», девушка кучи валежника! Я знаю её.

Он проснулся в кресле, оочевидный; при солнечном свете положение не показалось ему нормальным. Но человеку нужно есть, и он сошёл к завтраку, стиснув зубы и взяв себя в руки.

– По обыкновению, опоздал, – сказала мать. – Мой мальчик, Мириам.

Высокая девушка в чёрном подняла глаза, и вся выдержка Джорджи покинула его – как только он понял, что она ничего не знает. Он смотрел на неё хладнокровно и критически. Вот густые, чёрные волосы, откиннутые со лба, характерно выющиеся над правым ухом; вот серые глаза, стоящие довольно близко друг к другу; короткая верхняя губа, решительный подбородок и знакомая постановка головы. Вот и маленький, хорошо очерченный рот, который когда-то поцеловал его.

– Джорджи, милый! – с изумлением проговорила мать, потому что Мириам вспыхнула под его пристальным взглядом.

– Я... я прошу извинения! – задыхаясь, проговорил он. – Не знаю, говорила ли вам мать, что по временам я бываю идиотом, в особенности до завтрака. Это... это семейный недостаток.

Он повернулся и стал рассматривать горячие блюда, стоящие на буфете, радуясь, что она не знает, ничего не знает.

Его разговор во время завтрака походил на речь тихопомешанного; но матери казалось, что она никогда не видала своего сына таким красивым. Как может какая-либо девушка, в особенности Мириам с её пронизательностью, не пасть ниц и не поклоняться? Но Мириам была очень недовольна. Никогда в жизни никто не смотрел на неё таким упорным взглядом, и она сейчас же ушла в свою скорлупу, когда Джорджи объявил, что он изменил своё намерение

на счёт поездки в город и останется играть в теннис с мисс Ласи, если она не имеет в виду чего-либо лучшего.

– О, я не желаю мешать вам. Я занята. У меня есть дело на все утро.

«Что это случилось с Джорджи? Отчего он вёл себя так странно? – вздыхая, проговорила про себя мать. – Мириам так чувствительна».

– Вы композиторствуете, не правда ли? Должно быть, это очень приятно, когда к этому есть способности. («Свинья, о, свинья!» – думала Мириам.) Я слышал, как вы пели, когда я возвращался вчера вечером после рыбной ловли. Что-то насчёт «Моря грёз», не так ли? (Мириам содрогнулась до глубины своей оскорблённой души.) Прелестная песня. Что вы думаете о таких вещах?

– Ведь вы только сочинили музыку, милая?

– И слова, мамочка. Я уверен в этом! – сказал Джорджи со сверкающими глазами. (Нет, она ничего не знала.)

– Да, я написала и слова.

Мириам говорила медленно; она знала, что шепелявит, когда нервничает.

– Но как ты мог это узнать, Джорджи? – сказала мать в восторге, словно самый молодой майор в армии был десятилетний мальчик, отличающийся перед гостями.

– Я как-то был уверен в этом. О, мамочка, во мне есть много непонятого для вас. Похоже, что будет жаркий день – для Англии. Не желаете ли поехать верхом после полудня, мисс Ласи? Если хотите, мы можем выехать после чая.

Мириам не могла отказаться, ради приличия, но любая женщина могла бы заметить, что это предложение не вызвало в ней восторга.

– Будет очень хорошо, если вы поедете по Бассетской дороге. Тогда я могу не посылать Мартина в село, – сказала мать, заполняя паузу в разговоре.

Как у всякой хорошей хозяйки, у матери была одна слабость – мания к маленьким стратегическим хитростям, при помощи которых можно было бы побережь лошадей и экипажи. Родственники-мужчины жаловались, что она обращает их в обыкновенных извозчиков, и в семье существовала легенда, будто она раз, накануне охоты, сказала отцу:

– Если будете убивать дичь вблизи Бассета, милый, и если не будет слишком поздно, не заедете ли вы в село и не купите ли мне вот по этому образчику?

– Я знал, что так будет. Вы никогда не пропустите удобного случая, матушка. Если это рыба или чемодан, я не возьму.

Джорджи рассмеялся.

– Это только утка. Их очень хорошо готовят у Маллета, – просто сказала мать. – Ведь это ничего, не правда ли? У нас будет обед в девять часов, потому что так жарко.

Длинный летний день тянулся, словно целый век; но, наконец, на лужайке подали чай и появилась Мириам.

Она очутилась в седле прежде, чем он успел предложить ей помощь, вскочив легко, как ребёнок, садившийся на пони, чтобы отправиться на прогулку в тридцать миль. День продолжал быть безжалостным по-прежнему. Джорджи три раза сходил с лошади, чтобы взглянуть на камни, будто бы попавшие в ногу Руфуса. При ярком свете нельзя сказать даже простых вещей, а то, что надумал сказать Джорджи, было не просто. Поэтому он говорил мало, и Мириам испытывала чувство не то облегчения, не то презрения. Ей было досадно, что это большое, несносное существо знает, что слова вчерашней песни написаны ею; хотя девушка может распевать вслух о своих самых затаённых фантазиях, она не любит, чтобы их попирали филистимляне-мужчины. Они приехали на маленькую Бассетскую улицу с домами из красных кирпичей, и Джорджи необыкновенно хлопотал при укладке утки. Она должна быть положена в такой-то свёрток и так-то привязана к седлу; было уже восемь часов, а они были за несколько миль от обеда.

– Нам нужно торопиться! – сказала Мириам, соскучившаяся и рассерженная.

– Торопиться некуда; но мы можем проехать по холму Даухед и потом пустить лошадей по траве. Таким образом мы выиграем полчаса.

Лошади вышли на короткую душистую мураву, и тени сгустились в долине, когда они поехали рысью по большому пригорку, который господствует над Бассетом и западной проезжей дорогой. Незаметно езда стала более быстрой, несмотря на попадавшиеся кротовины. Руфус, как джентльмен, был внимателен к Денди Мириам, пока они не поднялись на вершину. Потом они две мили скакали рядом по склону; ветер свистел у них в ушах, сливаясь с ровными ударами восьми копыт и лёгким звяканьем мундштуков.

– О, это было чудесно! – крикнула Мириам, натягивая повод. – Мы с Денди старые друзья, но, я думаю, мы никогда не ездили так хорошо.

– Нет; но раза два вы ездили быстрее.

– В самом деле? Когда?

Джорджи провёл языком по губам.

– Разве вы не помните «тридцатимильной прогулки», со мной, когда «они» гнались за нами, на прибрежной дороге, море было слева – по дороге, идущей к фонарному столбу на дюнах.

Молодая девушка задохнулась.

– Что... что вы хотите сказать? – нервно проговорила она.

– «Тридцатимильная прогулка» и... и все остальное.

– Вы хотите сказать?.. Я ничего не пела о «тридцатимильной прогулке». Я знаю, что не пела. Я не говорила ни одной живой душе.

– Вы говорили о полисмене Дне, и о фонаре на вершине холмов, и о Городе Сна. Все это сходится, знаете... это та же страна... и легко было узнать, где вы были.

– Боже милосердный!.. Сходится... конечно, сходится; но... я была... вы были... О, поедemте, пожалуйста, шагом, иначе я упаду.

Джорджи подъехал к ней и, положив дрожавшую руку под её руку, которая держала повод, заставил Денди идти шагом. Мириам рыдала так, как, он видел, рыдал один тяжело раненный солдат.

– Все идёт хорошо... все идёт хорошо, – тихо проговорил он. – Только... только, знаете, все это верно.

– Верно? Неужели я сумасшедшая?

– Только в том случае, если и я сумасшедший. Попробуйте поразмыслить спокойно минутку. Как мог кто-нибудь знать о «тридцатимильной прогулке» и о том, что она имеет отношение к вам, если бы он сам не был там?

– Но где? Но где? Скажите мне!..

– Там... где бы то ни было... я полагаю, в нашей стране. Помните ли вы, как ехали в первый раз – я хочу сказать, по «тридцатимильной дороге»? Вы должны помнить.

– Все это были сны... сны.

– Да; но скажите, пожалуйста, почему же я это знаю?

– Дайте подумать. Я... мы... не должны были производить шума... ни в каком случае не шуметь.

Она смотрела вперёд, между ушей Денди, ничего не видевшими глазами, сердце её сжалось.

– Потому что «оно» умирало в большом доме? – продолжал Джорджи, снова натягивая повод.

– Там был сад с зеленой и позолоченной решёткой – такой горячей. Вы помните это?

– Как не помнить! Я сидел по другую сторону кровати, пока «оно» не закашляло и не вошло «они».

– Вы! – низкий голос стал неестественно полным и сильным, а широко раскрытые во тьме глаза девушки пристально смотрели на него, как будто желая проникнуть в самую глубь его души. – Так вы этот мальчик – мой мальчик у валежника. И я знала вас всю свою жизнь!..

Она упала головой на шею Денди. Джорджи преодолел овладевшую им слабость и обвил рукой её талию! Голова её упала ему на плечо, и пересохшими губами он стал говорить такие вещи, которые до тех пор считал существующими только в напечатанных романах. К счастью, лошади были спокойны. Она не пробовала отодвинуться, когда пришла в себя, но лежала тихо и шептала:

– Конечно, вы тот мальчик, а я не знала... я не знала.

– Я знал уже вчера вечером; а когда увидел вас за завтраком...

– Так вот почему! Тогда я удивилась. Удивились бы и вы.

– Я не мог говорить раньше. Оставьте вашу голову там, где она теперь, милая. Теперь все хорошо, все хорошо, не так ли?

– Но как это я не знала... после стольких лет? Я помню... о, как многое я помню!

– Расскажите мне что-нибудь. Я присмотрю за лошадьми.

– Я помню, как ждала вас, когда подошёл пароход. Вы помните?

– У «Ущелья Лилии», за Гонг-Конгом и Явой?

– И вы называете так это место?

– Вы сказали мне это название, когда я затерялся на континенте. Ведь вы показали мне дорогу через горы?

– Когда исчезли острова? Должно быть так, потому что я помню только вас. Все другие были «Они».

– И ужасные это были скотины.

– Да; я помню, как я в первый раз показала вам «тридцатимильную прогулку». Вы ездите совершенно так, как тогда. Вы – вы.

– Это странно. То же самое я думал сегодня о вас. Разве это не удивительно?

– Что значит все это? Почему вы и я из всех миллионов людей на свете... почему между нами эта странная связь? Что это значит? Я боюсь.

– Вот что! – сказал Джорджи. Лошади ускорили шаг. Они подумали, что слышали понукание. – Может быть, когда мы умрём, мы узнаем больше, но теперь вот что это значит.

Ответа не было. Что могла она сказать?

По сути дела, они знали друг друга не более восьми с половиною часов, но это было не обычное знакомство. Наступило очень долгое молчание.

– Это второй, – шепнул Джорджи. – Вы помните, не правда ли?

– Нет! – (яростно). – Нет!

– На холмах, в другой вечер – несколько месяцев тому назад. Вы были совершенно такая же, как теперь, и мы шли много миль по той стране.

– Она была пустынна. «Они» ушли. Никто не пугал нас. Я удивляюсь почему, мальчик?

– О, если вы помните это, то должны помнить и остальное. Сознайтесь.

– Я помню многое, но знаю, что этого не делала. Я никогда не делала... до сих пор.

– Вы сделали это, милая.

– Я знаю, что не делала, потому что – бесполезно утаивать – потому что, действительно, намеревалась сделать это.

– И действительно сделали.

– Нет; только намеревалась; но кто-то прошёл мимо.

– Там не было никого другого. И никогда не было.

– Было – всегда есть. Это была другая женщина – там, на море. Я видела её. Это было двадцать шестого мая. У меня где-то записано.

– А, и вы также записывали свои сны? Странно что-то насчёт другой женщины, потому что я в это время как раз был на море.

– Я была права. Почём я знаю, что вы делали, когда бодрствовали. А я думала, что вы не такой, как все.

– Никогда в жизни вы не заблуждались более. Однако какой у вас характер! Выслушайте меня, милая. – И Джорджи, сам не зная зачем, совершил чёрное клятвопреступление.

– Это... это не из тех вещей, о которых говорят, потому что тогда стали бы смеяться; но, клянусь моим словом и честью, дорогая, меня не целовала ни одна живая душа, кроме родных. Не смейтесь, милая. Я не сказал бы этого никому другому, но это сушая правда.

– Я знала! Вы – вы. О, я знала, что вы появитесь когда-нибудь; но я совершенно не знала, что вы – вы, пока вы не сказали. А вы никогда не интересовались никем, ни на кого не смотрели? Ведь все в мире должны любить вас с той минуты, как увидят вас, мальчик.

– В таком случае они утаили это. Нет; я никогда не интересовался никем.

– А мы опоздаем к обеду – страшно опоздаем. О, как я взгляну на вас при свете, перед вашей матерью и моей?

– Мы будем изображать, что вы мисс Ласи, пока не придёт время. Какой самый короткий срок для жениховства? Что, если бы мы избегли всех хлопот, связанных с помолвкой?

– Я не хочу говорить об этом. Это так вульгарно. Я подумала о том, чего вы не знаете. Я уверена в этом. Как моё имя?

– Мири... нет, не то, клянусь Юпитером! Подождите секунду, я вспомню. Вы не... не можете быть... Те старые рассказы – прежде чем я поступил в школу! Я не вспоминал их с тех пор. Вы не оригинал Аннилуизы?

– Так вы всегда называли меня с самого начала. Вот мы повернули и, должно быть, опоздали на целый час.

– Не все ли равно? Корни уходят так глубоко? Конечно – наверно, так. Мне пришлось-таки ехать с этой противной старой птицей – черт её побери!

– Ха, ха! – смеясь, сказала утка. Помните вы это?

– Да, помню – цветочные горшки на ногах и все остальное. Все время мы были вместе; а теперь я должен проститься с вами до обеда. Наверно, я увижу вас за обедом? Наверно, вы не спрячетесь в свою комнату, дорогая, и не покинете меня на целый вечер? Прощайте, дорогая, прощайте!

– Прощайте, мальчик, прощайте. Обратите внимание на арку. Не давайте Руфусу броситься в своё стойло. Да, я сойду к обеду, но что я буду делать, когда увижу вас при свете!..